РЕЛИГИОЗНОЕ ОКРУЖЕНИЕ ВЕРУЮЩИХ ЖЕНЩИН КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ*

СВ. Рязанова

Общим местом современного религиоведения стало признание наличия ряда черт, объединяющих верующих женщин разных конфессий и позволяющих говорить о женской религиозности как самостоятельном явлении. Несмотря на то, что и в теоретическом аспекте тема не до конца исследована, нам более привлекательным в исследовательском плане представляется региональный аспект. В его границах существует больше возможностей для верификации разрабатываемой концепции при помощи конкретного эмпирического материала, а также прослеживания синхронных и диахронных связей для такого социального феномена, как религиозность. Прикамье как поликонфессиональный регион предоставляет возможности для широкого спектра компаративистских исследований, позволяющих вывести закономерности религиозности как культурного явления и логики ее трансформации на современном этапе истории: на территории Пермского края проживают последователи основных традиционных религий и около трех десятков религий нового типа.

Демографическая ситуация в регионе и стране в целом - с отчетливым преобладанием женского населения - наталкивает на вывод о «женском» лице религии [2]. Между тем, наиболее значимые события, связанные с деятельностью отдельных конфессий, а также внешний облик религиозных общин региона очень редко ассоциируются с женщинами (противостояние Центрального духовного управления мусульман и Совета муфтиев России, состав Межконфессионатного консультационного комитета, конфликты между представителями традиционных и нетрадиционных религий, персоналии лидеров религиозных организаций и т.д.). Несмотря на то, что роль женщины в религиозных в делах общины неуклонно растет, вопросы административного управления и выработки стратегии поведения общины по-прежнему решаются на уровне мужского религиозного и организационного дискурса.

На региональном уровне феномен религиозности, религиозной идентичности и способов ее выражения остаются пока слабо изученными, поскольку религиозная социализация во многих общинах - и особенно вне их - осуществляется на бытовом уровне, стихийно, без весомого влияния и участия соответствующих институтов, в некоторых случаях как сугубо интровертивное действие. Поэтому содержание усваиваемой в этом процессе информации может корректироваться, частично оставаться скрытым, реализовываться внешне в весьма причудливых формах культового и внекультового поведения. Соответственно и совокупность основных компонентов религиозной идентичности в каждом конкретном случае (речь идет и об общине, и об индивиде) имеет свою наполняемость. Стоит учитывать и гетерогенность совокупности верующих женщин, как в целом по региону, так и в рамках одной организации. В качестве дифференцирующих факторов здесь выступают разные уровень образования, дохода, степень общественно-политической ангажированности.

Поскольку женщины численно преобладают практически во всех конфессиональных организациях низового уровня, то обработка информации о настроениях, ожиданиях, степени и формах бытовой религиозности верующих женщин даст возможность произвести срез конфессиональной ситуации в регионе, дать ей адекватную оценку и прогнозировать ее дальнейшее развитие.

' Исследование осуществлено в рамках гранта РГНФ № 07-03-82303а\У (сведения о верующих мусульманках любезно предоставлены А. В. Михалевой).

Исследование проводилось на территории Пермского края в 2007-2008 гг. и строилось на многоступенчатой выборке. Генеральная совокупность - все женщины Пермского края, кто идентифицируют себя как верующую - рассчитывалась путем сопоставления данных переписи 2002 г. и показателей соцопросов об уровне религиозности среди населения [1, 3-6]. Исследование является репрезентативным (собрано 1066 анкет), ошибка выборки составила около 3%. Оно охватило пять традиционных конфессий и целый ряд общин нового типа.

В результате проведенного исследования в научный оборот социальных наук предполагается ввести пласт аналитической информации о мотивационных и поведенческих особенностях представительниц традиционных конфессий Пермского края и выстроить на этой основе модель, объясняющую логику формирования, бытования и трансформации женской религиозности на постсоветском пространстве. Предлагаемая статья развертывает один из аспектов исследуемого материала - наличие для верующих женщин окружения, влияющего на формирование и осуществление стратегии религиозного поведения.

Уровень консолидации верующих внутри религиозных общин и готовность, так или иначе, общаться с носителями других взглядов на окружающий мир, как и само религиозное сознание, в значительной мере зависит от специфики той или иной общины. Не всегда установки и образцы, задаваемые канонами и церковным руководством, становятся определяющими, особенно если говорить о представителях традиционных религий. Значимую роль играет и то окружение, в котором существует верующая и которое влияет на способ существования женщины в религиозном пространстве.

Говорить о некой православной модели поведения как единой достаточно сложно, в силу крайней размытости границ той группы верующих женщин, которые называют себя православными. Представленная статистика, на наш взгляд, не отражает полностью те особенности стратегии поведения, которые характерны для прихожанок РПЦ, а, скорее, является индикатором тех процессов, которые весьма интенсивно протекают в религиозном пространстве Церкви, сегодня вновь претендующей на статус государственной. Уровень соответствия реального поведения даваемым Церковью установкам как нельзя лучше показывает то, насколько РПЦ влиятельна в сознании если не большей части населения страны, то хотя бы тех, кто относит себя к православной традиции. Данные, полученные при сборе анкет на катехизаторских курсах, - яркое тому подтверждение.

Почти 90% (74% по данным с курсов) православных женщин имеют единоверцев в своей семье и в кругу друзей. Три четверти православных женщин указали, что к этой категории можно отнести и супруга. 44% (80% на курсах) категорически не согласны на брак ребенка с иноверцем (при этом 14,5% (12%, соответственно) просто не думали на этот счет, а 7% (0%) готовы принять решение в зависимости от сути этой веры). 64% (80%) согласны на то, чтобы их дети посещали воскресную школу при храме, причем все те, кто отказывается от всроучительного образования для ребенка, попадают в молодежную группу.

У старообрядцев плотность единоверческого окружения еще выше - у 79% члены семьи, у 89% - друзья. При этом верующих мужей уже поменьше - 67%, хотя и эта цифра вполне приличная. Зато на браке детей с единоверцем настаивает только 45%, а трети этот вопрос безразличен. Думается, и в этом аспекте сказывается значительный прессинг внешней среды, невозможность полностью замкнутого существования для общины. Однако детей предпочитают отдавать в воскресную школу до 80% опрошенных женщин, что еще раз подтверждает устойчивость следования группы традициям.

Католическая община во многих отношениях производит ощущение более консолидированной, нежели православная и старообрядческая. У 82% процентов есть единомышленники в вопросах веры внутри семьи и среди друзей. Среди состоящих в браке 100% указали на то, что их супруг также является верующим. 91% женщин готов водить ребенка в воскресную школу с религиозным уклоном. 58% готовы на брак ребенка с представителем другого вероисповедания, 8% ставят решение этого вопроса от сущности вероисповедания. А 30% выступают против этого в любом случае. Можно сказать, что в конфессиональном плане католическая семья является почти замкнутой общностью.

Сравнительно небольшая лютеранская общность видимо испытывает потребность в постоянном поддерживании своего состава и его воспроизводстве. У 100% респонденток есть верующие в составе семьи и ближайшем окружении, 80% имеют супруга-единомышленника в вопросах веры. Все опрошенные готовы водить ребенка в воскресную школу при храме, зато половине безразлично, с кем

вступить в брак их ребенок, оставшиеся оговариваются, что их согласие зависит от того, к какой конфессии принадлежит будущий родственник.

Представительницы иудейской группы верующих более терпимы в вопросах общения, что, по нашему мнению, определяется спецификой исторического пути носителей данной религии. Согласно полученным данным, 67% опрошенных имеют верующих среди членов своей семьи, и 87% - среди друзей. Примечательно, что этот показатель достаточно низок (33,3%) у молодежи, зато выше среднего во второй и третьей возрастных группах. У 76,5% процентов супруг также является верующим. При этом 85% ответивших хотели бы дать ребенку азы религиозной грамотности в воскресной школе.

Если говорить о мусульманах, то среди убежденных верующих подавляющее большинство (77,8%) указали на религиозность супруга и 22,2% на ее отсутствие. В семьях номинально верующих супруги, как правило, нерелигиозные (57,9% против 36,8% религиозных). Особенно иллюстративны в этом смысле случаи русских женщин, принявших ислам[1]. У большинства верующих члены семьи также разделяют религиозные убеждения (около 90%). Подавляющая масса респондентов (96,2%) указала на наличие религиозных лиц среди своих друзей. 70% опрошенных настаивают на браке своего ребенка с представителем своей конфессии. 47,4% всех опрошенных живут с верующим супругом. В однородных религиозных семьях предпочтение чаще отдается единоверцу (66,7%). Даже при русском супруге незамужние респондентки мечтают передать исламские традиции своим детям[2]. 57,7% мусульманок указали на религиозность старшего поколения в семье.

Что касается членов объединений новых религий, то они вынуждены искать компромисс между стремлением полностью подчинить жизнь своей семьи и собственную религиозным регламентациям и реалиями постсоветской культуры с размытыми и не всегда адекватными представлениями о вере, приводящими к необходимости общаться далеко не только со своими единомышленниками. Имеет место и стремление рассматривать весь имеющийся религиозный опыт как основанный на едином принципе связи с сакральным началом. Это позволяет прослеживать семейные традиции веры со старших поколений и воспринимать большинство окружающих людей как верующих.

Так 61% адвентисток готов сразу включить ребенка в религиозное пространство путем получения соответствующего образования в воскресной школе, причем наибольшее число желающих наблюдается в самой младшей группе (93,8%), видимо для старших поколений такой вид образования является менее привычным в силу исторических причин. В самом близком окружении - в семье - представительницы адвентистов также имеют неверующих людей, причем, чем старше опрашиваемые, тем больше этот процент (12,5% - 28,6% - 42,9% - 66,7% соответственно). В отношении друзей наблюдается такая же зависимость (0% - 6,7% - 15,2% - 50% соответственно). 39% женщин проживают в браке с неверующим супругом. В отношении вступления ребенка в брак с представителями других религий адвентистки оказались еще более единодушны - преобладающее большинство из них (от 72,7% до 93,8%) и слышать об этом не хочет. Только члены самой старшей группы (18,2%) оговариваются, что их отношение зависит от того, о какой религии идет речь.

У баптистов верующее окружение достигает почти 100%. Практически все участники опроса ориентированы на получение их ребенком религиозного воспитания и нетерпимы в вопросах заключения брака: только 6% проявили безразличие, 23,5% готовы анализировать религиозную принадлежность потенциального родственника, а остальные полностью отрицают возможность включения иноверцев в семью.

Почти 70% женщин пятидесятнических общин в качестве супруга имеют верующего человека, у 85% есть единомышленники в этом отношении и в кругу семьи. Почти 90% опрошенных указали, что их друзья тоже разделяют их позицию в отношении к Богу. Как и в случае с другими организациями, здесь имеет место, с одной стороны, - выстраивание круга общения с определенными мировоззренческими позициями.

Три четверти женщин в общине мормонов имеют верующего супруга и единомышленников в кругу семьи. Практически все считают себя верующими не первого поколения, поскольку их старшие родственники тоже веровали в Бога. У 85% есть друзья в близком окружении. Все опрошенные уверены, что их дети должны посещать воскресную школу для получения религиозного образования.

[1] Интервью 11 Perm 07. Пермь. 21.06.2007.
[2] Интервью 3 Perm 07. Пермь. 16.04.2007.

В том, что касается антропного фактора для «Семьи Божией», в религиозном пространстве сложилась следующая ситуация. Только половина замужних женщин имеет верующего супруга. Тем не менее, у 86,5% имеются верующие родственники, а друзья-единомышленники - даже у 90% (что неудивительно для действующей общины). 84% готовы отдать чадо в школу с религиозным уклоном, хотя бы на выходные.

86% прихожанок ИСККОН состоят в браке с верующим человеком (исходя из специфики учения вайшнавов, это, скорее всего, член исследуемой общины). 76,5% отметили, что верующие есть среди близких родственников. У 100% наличествуют друзья, поддерживающие их в вопросах веры. 94% указали, что согласны с обучением ребенка в школе с религиозным уклоном.

У половины респондентов общины Церкви сайентологии нет верующих внутри семьи, зато у 77% имеются друзья-единомышленники. Эта ситуация определена самой природой сайентологического учения как помещенного на грань светского и мифологического сознания и имеющего очень спорную репутацию в обществе.

Видение социального пространства для индивида начинается с самопредставления и определения своего статуса внутри общества. Для верующей женщины этот образ необходимо соотносится с заданным в религиозных текстах образцом и обязательно проецируется на других представительниц слабого пола - для сравнения и оценки.

Представления о социуме включают в себя и понимание коммуникации. Уровень открытости окружающим, доверия и готовности вступить в контакт является важной составляющей облика современной женщины. У православных для общения со всеми людьми открыто почти 60% женщин, возможно потому, что сама по себе коммуникация не обязывает к тесным отношениям. Предпочтение единоверцам выказали около трети опрошенных. У старообрядцев отчетливо прослеживается тенденция выбирать для общения тех людей, которые являются легитимированными для коммуникации самой приверженностью к старообрядчеству (более 80%). У католичек на втором месте в качестве партнеров общения (27%) находятся сторонники собственной веры. Из представительниц лютеранской общины 30% указали в качестве желательных партнеров общения сторонников своей веры. Среди иудеек сторонников своей веры как приоритетный объект для коммуникации оценивают только 11%. При оценке социальной контактности мусульманок было выявлено, что убежденные верующие этой группы чаще поддерживают контакты с единоверцами, чем номинально исповедующие ислам (74,2% против 26,7% в каждой из групп).

Среди адвентистов на сторонников собственной веры падает всего 10,8% приоритетов в общении. Если говорить о представительницах баптизма, то для них характерен приоритет в этой сфере для единомышленников (100%). Если рассматривать особенности коммуникативных стратегий женщин пятидесятнических общин, то единоверцы как оптимальный вариант коммуникации составляют около половины ответов. У мормонов, как и в случае с некоторыми другими общинами, религиозное отношение воспроизводится только на уровне самой организации и круга близких людей (85% не склонны ограничивать свой круг общения какой-то определенной группой людей, а единоверцев указали лишь 16%). Более половины опрошенных Церкви «Семья Божия» открыты для контакта с любым человеком, а две трети указывают среди желательных субъектов общения единоверцев. Достаточно открытыми, по нашему мнению, являются и преданные Кришны: только 14,3% ориентировано на общение в среде единоверцев. Если говорить о Церкви сайентологии, то становится очевидным, что в сфере общения вопросы веры для последовательниц учения Хаббарда являются важными, но не приводят к элиминированию партнеров коммуникации. Поэтому 85% респондентов готово идти на контакт с любым человеком, а единомышленников по вере выбрало лишь около 10%.

Как видно из результатов анкетирования, у представительниц как новых, так и традиционных общин присутствует желание замкнуться в собственной религиозной среде. В меньшей мере к этому склонны верующие конфессий, давно уже существующих на территории региона, как имеющие опыт существования в квазиатеистической среде. Для членов общин нового наличие единомышленников видимо представляется залогом правильного поведения, к тому же подобная позиция усиливается формированием элитарного сознания в группах такого рода. Поэтому логическим следствием имеющихся поведенческих установок становятся либо желание предельно расширить границы общины за счет включения новых членов, либо максимально ограничить контакты с внешним миром. Последний

вариант встречается реже, как встречающий сопротивление внешней социальной среды и может быть реализован частично.

Как уже отмечалось, тема религиозности, и всего, что с ней связано, является достаточно широкой. Учитывая тот факт, что трансформации конфессионального пространства являются константой для культуры человечества, всегда сложно претендовать на всеохватность проводимых исследовательских работ.

Анализ ряда явлений религиозной и околорелигиозной жизни показал, что религиозность как специфическое явление в социальном пространстве необходимо содержит элемент некой универсальности: социум, во многом, является конструирующим фактором и этого отношения. Результаты проведенных социологических опросов дают основание говорить о том, что женщины-верующие изучаемого региона могут рассматриваться как единая группа на том основании, что на них влияют общие социально-экономические, политические и культурно-исторические предпосылки социального бытия. Другими словами, применительно к российской ситуации следует говорить о неком наборе стереотипов мышления и поведения прихожанок, который может в равной степени быть отнесен к представительницам почти всех религиозных групп. Данный факт делает возможным априорную аппликацию полученных данных в отношении тех общин, которые по ряду причин оказались не вовлеченными в проведенное исследование.

Исследование показало, что сама модель религиозного поведения очерчена в каждой общине достаточно четко, так что можно говорить, в какой-то мере, о ее специфических конфессиональных формах. Именно в религиозном пространстве наиболее ярко, по нашему мнению, проявляется разница в стратегиях поведения в традиционных и новых религиозных общинах. Религии, относимые к традиционным, отличает, кроме всего прочего, расплывчатость границ религиозности в традиционных общинах и смещение этого отношения в сферу образа жизни, когда не требуется интенсивность религиозного переживания. Одним из доминирующих факторов здесь также является и специфика каждого из религиозных учений, соединенная с особенностями культурно-исторического развития страны, этноса, группы верующих.

Примененные методы количественного анализа, вне верификации качественной природы, наглядно показали, что каждая группа имеет свой специфический модус мышления и поведения, напрямую связанный со специфическими потребностями и возможностями ее представителей. Этот модус в наибольшей мере касается непосредственно моделей религиозного поведения.

Исследование подтвердило справедливость нашего предположения о том, что в эпоху постмодернистских ценностей (индивидуализм, профессионализм, самореализация), эмансипации женщин, тендерной революции, все возрастающей мультикультурности обществ отдельно взятому индивиду приходится корректировать свои традиционные ориентации, создавая свою собственную модель взаимоотношения с окружающим миром, в т.ч. и в отношении вопросов веры. Современная верующая вынуждена не только позиционировать себя в религиозном континууме и в социальном плане, но и существовать в условиях поликонфессиональности и открытости культуры разным модернизационным веяниям.

Это уже не зависит от половой принадлежности, а, скорее, определяется уровнем модернизированности общества в целом. Налицо столкновение традиционных и современных ценностей, преодоление которого в качественном аспекте определяется дифференцированно у представительниц разных общин.

Стоит принимать во внимание и факт весьма высокой эффективности вовлечения в активную внебогослужебную деятельность представителей традиционных и нетрадиционных религий, наблюдаемый как раз среди женской части религиозных сообществ. В границах самих общин это уже давно имеет место и осуществляется в разнообразных формах и сферах приложения усилий. Социальный потенциал членов конфессиональных объединений делает привлекать религиозные общины в качестве партнеров при осуществлении разного рода благотворительной и просветительской деятельности.

Разумеется, религиозность как явление не стоит сводить к региональному, тендерному либо другим аспектам. Она как феномен требует постоянного и всестороннего изучения. Однако обращение к тем аспектам религиозной жизни, которые наиболее ярко заявляют о себе в конфессиональном пространстве, дает неограниченной число возможностей для ухода от формальных параметров явления и обращения к тому, что действительно вносит вклад в социальную жизнь и неотъемлемую от нее культуру.

© Рязанова СВ.